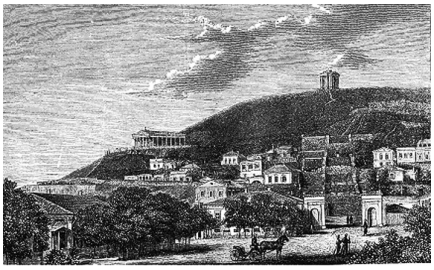
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КРЫМА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ И АКТУАЛИЗАЦИИ

DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.047
УДК 908(477.75) + 904:72(477.75) +
+ 929 Кларк

Н. И. Храпунов
Крымский федеральный университет
Симферополь, Россия

КРЫМСКИЕ ДРЕВНОСТИ ГЛАЗАМИ ЭДВАРДА-ДАНЬЕЛА КЛАРКА: ОТ АРХЕОЛОГИИ К ИДЕОЛОГИИ*

В статье анализируется травелог британца Эдварда-Даньела Кларка, представляющий собой одно из первых энциклопедических описаний Крымского полуострова, где автор побывал в 1800 г. Записки Кларка оказались чрезвычайно популярны у современников и нынешних исследователей, однако вопрос об авторской стратегии и ее влиянии на объективность текста пока не ставился. В сочинении Кларка можно выявить элементы путевого дневника, научного исследования и политического памфлета. В статье показаны приемы, с помощью которых Кларк превращает описание археологических памятников в «идеологическое оружие». Доказывая «нецивилизованность» России и необходимость ее изгнания из Крыма, Кларк использовал в качестве оригинального аргумента археологию. По его мнению, русским свойственно безжалостное и бессмысленное разрушение археологических памятников античной и средневековой эпохи. В XVIII в. античность постепенно входила в моду в Западной Европе, а Грецию начали воспринимать как колыбель европейской цивилизации, поэтому обвинение русских в уничтожении античных построек и вещей было явным доказательством варварства. Избирательность подхода Кларка заключалась в том, что разрушение древностей турками, татарами или своими соотечественниками он интерпретировал иначе. Свидетельства уничтожения древних сооружений в Крыму в российскую эпоху действительно существуют, но Кларк был первым, кто осмыслил их в терминах идеологии. Его записки оказали колоссальное влияние на последующую западную историографию, склонную относиться к ним некритически.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-01-00104 «Крымские древности в описаниях европейских путешественников конца XVIII — начала XIX в.: историко-археологическое исследование».

© Храпунов Н. И., 2016

Ключевые слова: записки путешественников XVIII–XIX вв.; история науки; археология Крыма; Крым; воображаемая география; Эдвард-Даньел Кларк.

> У Франции есть Германия; у нас есть Россия; для Италии создана Австрия; и даже у самого смиренного пуштуна имеется наследственный враг.
>
> *Редьярд Киплинг. «От моря до моря», письмо 25*

Имя Эдварда-Даньела Кларка (1769–1822), британского путешественника и ученого-энциклопедиста, известно, пожалуй, всем исследователям древнего Крыма. Побывав на полуострове в 1800 г., Кларк через несколько лет опубликовал подробное описание своего путешествия, где особое внимание уделил состоянию археологических памятников полуострова [Clarke, 1817]. Это сочинение — не просто рассказ о путешествии, но одно из первых энциклопедических исследований Крыма, подобное путевым запискам Петера-Симона Палласа, Маттью Гатри и Жана Рёйи. Среди прочего, Кларк создал на редкость непривлекательный образ России и русских, проиллюстрировав его, в частности, многочисленными примерами губительного отношения новых хозяев Крыма к археологическому наследию полуострова. Живой, эмоциональный стиль Кларка и информативность его записок снискали им огромную популярность: авторы многих сочинений о Крыме, изданных в первой половине XIX в., цитируют записки прославленного британца, а иногда и полемизируют с ним. Современные исследователи также нередко используют данные Кларка для изучения самых разнообразных проблем [см. частичную библиографию в: Храпунов, 2014, с. 142]. Однако вопрос об использовании археологии как одного из ключевых аргументов в созданной Кларком «карте цивилизации» и предложенной им программе политических действий Великобритании в Причерноморье до сих пор поставлен не был. Обычно исследователи ограничиваются указанием на русофобию Кларка и его склонность преувеличивать разрушение памятников в российскую эпоху [Бертье-Делагард, с. 2–9; Маркевич, с. 275; Minns, p. 494; Тункина, 2002, с. 56–57, 503; 2011, с. 35–36].

Знаменитый путешественник происходил из небогатой семьи. Имея несомненные способности к учебе, он получил степень бакалавра в Кембридже, занимаясь самыми разными вещами, в том числе древними языками, поэзией, химией, минералогией и ботаникой. Отсутствие средств побудило Кларка оставить университет и стать гувернером у знатных и богатых соотечественников. В обществе своего воспитанника Джона-Мартена Криппса Кларк в 1799–1802 гг. совершил длительную образовательную поездку по Северной Европе, России, Балканам, Ближнему Востоку и Египту. Впоследствии Кларк получил степень доктора права и успешно работал в Кембриджском университете, подготавливая к изданию описание увиденных стран и народов. Материалы своих дорожных дневников он значительно дополнил и расширил в результате кабинетного изучения сочинений

древних и средневековых авторов, а также современных ему исследователей и путешественников. В 1810 г. Кларк начинает публиковать свои «Путешествия» (последний, шестой том вышел уже после смерти автора), выдержавшие множество изданий на разных языках и принесшие автору не только мировую славу, но и внушительные гонорары [см.: Otter; The Georgian Era, p. 52–55; Lower, p. 267–274]. Благодаря своему трудолюбию, энциклопедическим знаниям и разнообразным интересам, Кларку удалось подготовить всеобъемлющее сочинение, повествующее о физической географии, флоре и фауне, населении и городах, экономике и военном состоянии, истории и археологии виденных им стран. Для нескольких поколений путешественников и просто интересующихся записки Кларка стали важным источником сведений о дальних краях, их современном состоянии, далеком прошлом и археологических памятниках.

Сочинение Кларка сочетает в себе элементы путевого дневника, исследований по археологии, истории, минералогии, ботанике, а также политического памфлета. Археология была предметом особого интереса путешественника, но в данной статье речь пойдет только об одном аспекте «археологических построений» Кларка. Важно отметить, что результаты натурных наблюдений Кларк дополнил тщательной кабинетной работой на родине, изучив огромный массив источников и литературы. Об этом свидетельствует следующий факт. Своему другу (впоследствии ставшему его биографом) Уильяму Оттеру Кларк писал:

> Словно сова на солнце, влачусь я, не имея книг, а без Плиния был бы почти совсем слеп. О, если бы у меня были немногие из тех записок, что лежат без пользы в моем кабинете! [Otter, p. 293].

Том Плиния был куплен по случаю в Таганроге, став единственным путеводителем англичанина [Ibid., p. 292][1]. Тем не менее, в издании «Путешествий» Кларка читатель обнаружит массу разнообразных ссылок. Большое влияние на Кларка оказала личность Петера-Симона Палласа (1741–1811), знаменитого немецкого исследователя, много лет прожившего в Крыму, с которым Кларк познакомился в Симферополе. Кларка покорили не только научные знания, но и душевные качества прославленного ученого, потому крымский том Кларковых «Путешествий» демонстрирует очевидную зависимость от сочинения Палласа [Храпунов, 2014, с. 143–144].

Нужно отметить одно немаловажное обстоятельство. Кларк действительно очень подробно (едва ли не детальнее всех своих современников) описывает археологические памятники Крыма, в том числе впоследствии пострадавшие от антропогенных факторов (например, сооружения на Гераклейском полуострове, в окрестностях Севастополя). Потому его сочинение можно использовать как источник сведений об утраченном или поврежденном археологическом

[1] Отчасти неподготовленность Кларка и Криппса к путешествию в Крым была вызвана тем, что эта поездка оказалась спонтанной. Проехав от Петербурга до Москвы, путешественники только там приняли решение далее ехать на юг, через землю Войска Донского [Clarke, 1816, p. 228].

наследии, или же для реконструкции истории археологической мысли, характеризующей определенный этап в развитии науки о древностях юга России. Автора данной статьи интересует несколько другое — не то, какие памятники видел Кларк, и не то, как он их понял, но что он хотел сказать своему читателю. Перерабатывая и дополняя свои дорожные дневники, Кларк имел возможность заретушировать одни обстоятельства и подчеркнуть другие. Мы вряд ли сможем понять, что он действительно думал (хотя его письма с негативными оценками России кажутся достаточно искренними), тем более со временем суждения могли эволюционировать, но вполне возможно оценить, о чем Кларк собирался сообщить английской публике. К. Мерво, рассматривая фигуру Екатерины II в письмах Вольтера, продемонстрировал, что создание определенного образа могло быть авторской стратегией, когда автор умышленно искажал реальность для произведения определенного эффекта на читателя, причем в итоге нашим современникам сам автор предстает не в наилучшем свете [Мерво]. В этой статье мы попытаемся показать, как Кларк сделал крымские древности частью своей повествовательной стратегии, долженствующей аргументировать то незавидное место, которое англичанин отвел России на «карте цивилизации».

В Крыму Кларк и Криппс находились с июля по октябрь 1800 г. Путешественников сразу же поразило богатство античного наследия полуострова. Кларк писал Оттеру:

> Мы стоим по колено в древностях, обломав ноги о поучительные мраморы, которые многие годы, вплоть до нашего прибытия, беседовали лишь с жабами и ящерицами. Никогда я не был настолько очарован путешествием, как сейчас. Может ли Греция быть интересней тех стран, где сохранились основы ее первых колоний, в которых мы роемся? [Otter, p. 292].

По мнению Кларка, археологическое наследие Киммерийского Боспора превосходит памятники Италии:

> Почему же просвещенные путешественники не едут в эти края, где земля вымощена мраморными надписями, где историю можно поднять из могилы, и где скифы[2], бóльшие варвары, чем их предки — антропофаги, погребают ценнейшие свидетельства в фундаментах своих крепостей? О, если бы турки и татары снова стали хозяевами этой земли! [Ibid., p. 292–293].

Кларк понял, что история Крыма является белым пятном. Из Симферополя он писал Оттеру:

> Крым — почти неизведанная земля для антиквара. История станет сильной, когда будет изучена. Страбон точнее Паттерсоновой «Книги дорог»[3]. Современные географы, желавшие проиллюстрировать древних, испытали его в своих кабинетах. Всем им

[2] Под «скифами» здесь он понимает русских.

[3] Кларк имеет в виду многократно переиздававшуюся книгу английского военного топографа Даньела Патерсона (1739–1825), представляющую собой описание дорог Великобритании с указанием точных расстояний между пунктами [Paterson].

свойственны известные ошибки и известная точность. Карту крымских древностей очень ждали, и, бесконечными трудами, я выполнил эту работу, исправляя ошибки предшественников, отмечая достоверное и добавляя новое. Пусть другие, которые придут после, сочтут мой труд избыточным [Otter, p. 299].

Позднее, в книге путешествий, Кларк намекнул на то, что именно его сочинение станет лучшим исследованием античной топографии Крыма, ведь его предшественники были либо кабинетными учеными, либо путешественниками, плохо понимавшими в классических древностях.

До сих пор все, что публиковалось в отношении географии и древностей Крыма, написано людьми, которые никогда не видели эту страну. Те же, кто здесь побывал, к сожалению, не были ни географами, ни антикварами [Clarke, 1817, p. 127–129].

Заметим, что он забывает, например, о сочинении Клода-Шарля де Пейссонеля, который в 50-х гг. XVIII в. был французским консулом в Крыму, а впоследствии издал объемный том об этнической истории и древней топографии Причерноморья [Peyssonnel], и явно принижает значение труда Палласа [Паллас]. Кларк приходит к неутешительному выводу: над великолепными памятниками Крыма нависла страшная угроза: новые хозяева полуострова неуклонно и безжалостно стирают их с лица земли.

Отметив, что «нигде в Крыму путешественник не встретит столько древностей, как в Керчи», и рассказав о движимых и недвижимых памятниках Европейского Боспора, Кларк замечает, что, хотя бурная история Крыма сказалась на сохранности свидетельств его прошлого, самый страшный вред археологии нанесли именно русские. В частности, они уничтожили около 500 домов в Керчи, соорудив на их месте три десятка жалких лавок. Сюда переселили греков с островов Эгейского моря, которым русское правительство пообещало щедрую поддержку, но на деле подвергло жесточайшему обращению. Это позволило Кларку объявить лицемерие обычным свойством русской политики, а «просвещенную» политику Екатерины II — обманом, скрывающим жалкое состояние ее империи [Clarke, 1817, p. 110–126]. Кларк сослался на знаменитое сочинение француза Жана Шаппа д'Отроша, своими глазами видевшего Екатерининскую Россию и вынесшего ей суровый приговор, который, впрочем, в известной мере основывался на типичных европейских предубеждениях и передергивании фактов [Стенник, с. 150–156; Каррер д'Анкосс]. Однако если для француза нравы татар и русских не слишком отличались (и были, конечно, показателем их «варварства»), то Кларк противопоставил дикость и жестокость русских кротости и порядочности татар.

Новые доказательства трагической судьбы античных памятников, оказавшихся в руках у «новых скифов», Кларк получил, осмотрев древности Гераклейского полуострова.

Когда они [русские] поселились в этой стране, остатки города Херсонеса были настолько велики, что сохранялись все его ворота. Вскоре они их разрушили и, следуя

> своему любимому занятию — разорять, они снесли, сломали, срыли и разрушили всякий памятник, способный осветить его [Херсонеса] былую историю... [Clarke, 1817, p. 207].

Развалины Херсонеса и его хоры стали каменоломней, откуда брали материалы для строительства Севастополя. Таково обычное поведение русских, заключает Кларк, которые точно также поступили бы с древностями Эгейского побережья.

> Если Архипелаг когда-нибудь попадет во власть русских, прекрасные остатки Древней Греции будут разрушены, Афины будут снесены до основания, не останется и камня, показывающего, где стоял город. По сравнению с русскими турки обладают вкусом и глубокой ученостью [Ibid.].

Характерно, что, рассказывая об османской крепости в Керчи, Кларк обнаружил там «прекрасный мраморный фонтан, сложенный из античных материалов, где видны не только турецкие буквы, но и греческая надпись с более древней датой» [Ibid., p. 122], но такое использование древних фрагментов для строительства у него осуждения не вызывает, ведь это было сделано турками. Не возмутило его и то, что пещерные церкви в Инкерманских скалах сделались обиталищем татарских пастухов и их коз, а высеченные в камне гробницы превратились в поилки для скота [Ibid., p. 205]. Очевидно, Кларк прекрасно понимал, когда нужно выдвигать обвинения в уничтожении памятников прошлого, а когда закрывать на это глаза.

В первой части своего сочинения, рассказывающей о путешествии от Петербурга до Тамани, Кларк не стеснялся в выражениях, приводя многочисленные примеры, доказывающие, по его мнению, дикость и варварство русских [Clarke, 1816, p. 4–11, 22–23, 26–28, 46–47, 56, 101–102, 116–118, 190, 235–236, 272–275, 290–292, 385–387, 431–432]. Таким образом, читатель был готов услышать новое обвинение, и оно последовало. В XVIII в. античность постепенно входила в моду в Западной Европе, в том числе и в Англии, а Грецию начали воспринимать как колыбель европейской цивилизации [Eisner, p. 63–88]. Отсюда стремление европейцев «приобщиться» к античному наследию — кто-то, как итальянцы, мог сделать это по праву территории, кто-то, как австрийцы, использовал принцип «translatio imperii», а кто-то, как британцы, скупал произведения античного искусства. Таким образом, обвинение русских не просто в пренебрежении к памятникам античности, но в их уничтожении было еще одним доказательством их варварства.

По словам Кларка, русские не ограничивались уничтожением античных древностей, сделав жертвой своего варварства и средневековые поселения. Почти до основания разрушена была османская Кафа (современная Феодосия) — русские солдаты ломали мечети, валили минареты, уничтожали водопроводы и фонтаны, переплавив свинцовые архитектурные детали на пули, а камни взяв для собственных построек [Clarke, 1817, p. 144–147]. В Карасу-Базаре (ныне Белогорск) на строительство пошли надгробия с татарских кладбищ, хотя вокруг

имелись залежи превосходного известняка [Clarke, 1817, p. 159]. Фактически стерли с лица земли некогда цветущий торговый порт Кезлев, заменив даже его имя на совершенно неуместную Евпаторию, хотя древний город с таким названием находился в другом месте [Ibid., p. 305–306]. В руинах лежала столица Крымского ханства — Бахчисарай, а загородная резиденция ханов в Ашламе попросту исчезла с лица земли [Ibid., p. 172–173]. Последнее, впрочем, неверно — российское правительство сначала намеревалось сохранить дворец, впрочем, быстро отказавшись от этой идеи, но в любом случае его остатки можно было осмотреть и лет через 30 после Кларка [Храпунов, 2014, с. 145]. Несколькими страницами ниже британец вынужден признать и то, что главный ханский дворец в Бахчисарае сохранялся в порядке по указанию Екатерины [Clarke, 1817, p. 180–184]. Кларк, кажется, не понял (или предпочел не заметить), насколько это противоречит его инвективам.

Именно история Бахчисарая дала возможность Кларку произнести, пожалуй, наиболее пронзительные обвинения в адрес русских, обращавшихся с местными жителями с крайней (и бессмысленной) жестокостью. Он сравнил покорение Крыма в 1783 г. с римским завоеванием Британии, цитируя известные слова Тацита: «отнимать, резать, грабить на их лживом языке зовется господством; и создав пустыню, они говорят, что принесли мир» [Ibid., p. 179–180; см. также: Храпунов, 2014, с. 145]. Кларк, кажется, не заметил, как перевернул с ног на голову традиционные представления своих современников о цивилизации и варварстве, уподобив плохих русских несшим цивилизацию римлянам, а крымских татар — свободолюбивым, но все же варварским жителям Британских островов. Весьма характерный прием Кларковых описаний: путешественник склонен превращать реальные явления античной истории и этнографии в риторические элементы, важные лишь постольку, поскольку они подчеркивают те или иные его выводы.

Другим примером является образ скифов. В XVIII в. европейские авторы находили скифов повсюду в Восточной Европе, отождествляя их с самыми разными современными им народами [Вульф]. Образ скифов был хорош тем, что каждый мог увидеть в нем что-то свое. Так, Вольтер, например, уподоблял русских скифам как варварам, готовым приобщиться к европейской цивилизации [Нойманн, с. 119–120]. Этот же образ он использовал, когда восхищался благородством Екатерины II (в качестве правительницы России воплощавшей в себе всех скифов), покровительствовавшей французским философам [Вульф, с. 330]. Для Кларка же русская «скифскость» воплощала разрушительную дикую стихию, образ настолько негативный, что это само по себе заставляет усомниться в его реальности. Путешественник пытается подкрепить свои слова, ссылаясь на слова греков, видевших, как русские обрушили минарет в Феодосии, и потому назвавших их Σκύθαι. «Позднее мы обнаружили, — пишет Кларк, — что это было обычное бранное слово, ведь хотя греки исповедуют ту же веру, что и русские, первые ненавидят вторых так же искренне, как турок и татар» [Clarke, 1817, p. 145]. Сама эта сцена, похоже, создана воображением автора. Но любопытно,

что Кларк мнил себя знатоком античности, однако понимал ее явления слишком однозначно, в категориях «черный — белый», без полутонов. Так, многие древние авторы, например, Эфор, также придавали образу скифов риторические черты, но не негативные, а идеализирующие, в частности, позволявшие им на этом примере продемонстрировать недостатки своей, греческой культуры [Ростовцев, с. 6, 85, 88–91, 101–104].

По словам Кларка, в Крыму уцелели те памятники прошлого, естественной защитой которых стала самая природа. Так, Успенский монастырь близ Бахчисарая сохранился потому, что русским не удалось разрушить скалу, в которой он был высечен [Clarke, 1817, p. 188], а памятники Мангупа сохранились благодаря труднодоступности плато [Ibid., p. 279]. Ак-Мечеть (нынешний Симферополь) был спасен заступничеством Палласа [Ibid., p. 164–165], которого Кларк почитает едва ли не единственным достойным человеком в тех краях, последним огоньком европейского просвещения во мраке варварского невежества.

Еще одним свойством русского варварства Кларк считает запрет на вывоз за границу памятников древней скульптуры и эпиграфики, на что неоднократно жаловался в своих записках и письмах. И если ему удалось доставить в Англию несколько надписей и рельефов, добытых в Тамани [Ibid., p. 82], то русские власти в Керчи, Феодосии и Севастополе категорически запретили вывозить продававшийся здесь по бросовой цене мрамор [Otter, p. 293–294, 298–299; Clarke, 1817, p. 119, 149, 207–208]. Так, например, в Севастополе Кларка потрясло мраморное надгробие Феагена и Ульпии, которое ныне находится в коллекции Государственного Эрмитажа [IOSPE I^2, p. 413–415, № 453]. «Всякий житель Ахтиара мог его приобрести на вес вместе с тонной других камней за один-единственный рубль. Продавать его нам запретили, потому что мы были чужестранцами, и хуже всего, мы были англичанами» [Clarke, 1817, p. 207–208]. Несколько крымских памятников, тем не менее, оказались в Лондоне [Clarke, 1809], быть может, благодаря помощи Палласа [Маркевич, с. 281], с которым Кларк познакомился в Крыму [Там же, с. 275; ср. Otter, p. 296, 297; Clarke, 1817, p. 162]. Кларк скупал древности и в других местах — так, с острова Патмос он вывез коллекцию рукописей [Лемерль, с. 314], а из Элевсина — кариатиду, которую принял за изображение Цереры [Hamiliakis, p. 276–277]. Не ограничиваясь антиками, Кларк собирал разные диковинки — так, в Крыму он приобрел или получил в подарок от Палласа ценные гербарии, которые продал по возвращении в Англию [Сытин, с. 259–260]. Однако вывозя древности в Англию, Кларк заботился не только об их «сохранении», но и о собственных карьере и кармане. Продажа коллекций в музеи английских университетов обеспечила ему солидный доход и способствовала получению докторской степени [подробнее см.: Храпунов, 2011, с. 608; 2014, с. 149–150]. Так, препятствуя коммерческому предприятию Кларка, русские власти навлекли на себя очередное обвинение в варварстве — хотя и сохранили эти памятники для будущих российских музеев (практически все упомянутые Кларком надписи хорошо идентифицируются по современным публикациям).

Завершив объезд восточной, центральной и юго-западной части Крымского полуострова, Кларк подводит итоги, предлагая план военного вторжения в Крым, «ежели Великобритании будет угодно вернуть его туркам. Берега полуострова охраняются плохо, российская армия находится в упадке, а местные жители встретят высадившихся с кораблей завоевателей со слезами радости на глазах. Всякий опытный генерал, имеющий всего тысячу солдат, способен решить эту задачу» [Clarke, 1817, p. 268–270]. И хотя здесь Кларк не вспоминает о печальной судьбе крымских древностей, должно быть, для него она была одним из аргументов, способных убедить читателя в его правоте, раз уж он неоднократно возвращался к этой теме.

Несомненно, после присоединения Крыма к России нередки были случаи разрушения памятников античной, византийской, генуэзской и мусульманской археологии и архитектуры — свидетельства этого имеются в источниках [Храпунов, 2011, с. 604], несмотря на то, что российское правительство и частные лица предпринимали различные меры к изучению и сохранению культурного наследия региона [Бертье-Делагард, с. 5–8; Тункина, 2002, с. 39–54]. Анализируя записки Кларка, мы сталкиваемся с той же неразрешимой проблемой, которая возникает при изучении любого другого травелога — можно констатировать субъективность, а иногда и тенденциозность авторского взгляда, но нельзя определить степень этой субъективности [Миллер, с. 7–8]. Очевидно, Кларк склонен был сгущать краски и использовать археологию для политических выводов, а также аргументируя непреодолимое варварство русских. Рассказывая о судьбе археологических памятников, Кларк превращается в публициста, злоупотребляющего эмоциональными оценками, избирательно подходящего к фактам и использующего их не для выявления объективной картины событий, но как иллюстрацию своих взглядов на историческую роль народов, границы между цивилизацией и варварством, а также перспективы дальнейшей политики Британского королевства. Использование античного и византийского наследия в идеологических играх — прием, достаточно распространенный в XVIII в. Достаточно вспомнить идеологические модели, созданные Екатериной II и ее окружением [см.: Уортман, с. 168–199; Зорин, с. 33–64, 97–122; Проскурина, с. 11–104], которые находили понимание и отклик в культуре «Запада» [Гардзонио, с. 110]. Но Кларк оказался едва ли не первым, кто применил для этих целей проблему сохранения археологических памятников.

Рассказ о посещении России и Крыма был только первым в серии Кларковых «Путешествий». Из Крыма Кларк и Криппс отправились в Константинополь, а оттуда — в длительную поездку по изобиловавшим памятниками прошлого Балканам и Ближнему Востоку. Судьба древних сооружений и скульптур была различна, но Кларк позволил себе разве что пожалеть об их поврежденном состоянии или разрушении. Характерный эпизод случился в Афинах в 1801 г. Кларк и Криппс были свидетелями того, как итальянский художник Джованни-Батиста Лузьери (1755–1821) по приказу лорда Томаса Элгина (1766–1841)

демонтировал статуи Парфенона, дабы отправить их в Англию. Это зрелище вызвало у Кларка сожаление:

> ...Лузьери сказал нам, что ему стоило больших трудов выполнить эту часть предприятия из-за привязанности, которую турки испытывали к постройке, к которой они привыкли относиться с религиозным почтением, превратив ее в мечеть. Мы сознались, что в данном случае разделяли чувства мусульман, и с удовольствием посмотрели бы на то, как исполняется приказ о сохранении, а не разрушении столь прославленного здания [Clarke, 1818, p. 223–224].

Нетрудно представить, сколько гнева и сарказма вызвали бы подобные действия, предпринятые по указанию русского, а не английского посла. И, хотя Кларк не скрывает негативного отношения к этому предприятию [Ibid., p. 225–227; Otter, p. 347], но обходится без глобальных выводов о «варварстве» итальянцев или, тем более, англичан. К тому же он не преминул захватить с собой найденные поблизости статуи Пана и Аполлона, первую из которых он впоследствии передал Кембриджскому университету [Clarke, 1818, p. 218–219].

По мнению британского исследователя Э.-Г. Кросса, Кларк способствовал возрождению многих стереотипов о России, берущих начало еще в XVI–XVII вв. и, казалось бы, временно отступивших на второй план в эпоху Просвещения, когда контакты между двумя странами и культурами значительно увеличились [Cross, p. 389–391]. Нужно отметить, что представление о русском варварстве в Западной Европе никуда не делось и в XVIII в., хотя детали этого образа у разных писателей, конечно же, разнились, иногда весьма существенно [Вульф; Нойманн, с. 111–125]. Английская же общественная мысль была настроена к России, пожалуй, наиболее радикально. Несмотря на короткие периоды уменьшения русофобии и увеличение позитивных отзывов о России в связи с деятельностью Петра I, Анны Иоанновны и Екатерины II, к концу столетия, во многом благодаря совершенно изменившейся политической ситуации в Европе и на Ближнем Востоке, британцы, как правило, воспринимали Россию как варварскую державу, угрожавшую балансу сил и британским интересам [Anderson, p. 49–213]. Прижизненные издания «российской» части Кларкова травелога выходили в период, когда отношения между Россией и Британией были крайне противоречивы. В начале Россия была вынужденным союзником Франции, и, следовательно, противником Лондона, а затем, после периода сотрудничества с Англией во время войны с Наполеоном 1812–1814 гг., отношения снова усложнились [Орлов, с. 124–291]. Таким образом, антирусские высказывания Кларка упали на подготовленную почву. Конечно, общественное мнение вряд ли было однородным, и иногда некоторые англичане поступали иначе. Так, оказавшиеся в китайском порту Кантон участники первой русской кругосветной экспедиции Ивана Крузенштерна и Юрия Лисянского в 1805–1806 гг. встретили теплый прием со стороны представителя британской Ост-Индской компании Джеймса Драммонда, который оказал русским ряд важных услуг, причем в ущерб собственным интересам. По-видимому, Драммонд почувствовал

солидарность с русскими офицерами, представителями европейской культуры, оказавшимися в экзотических условиях Восточной Азии [Орлов, с. 84–98]. На Кларка же восточное окружение действовало по-иному, катализируя его антирусские настроения.

Сочинение Кларка отразило многие заблуждения своего времени, сделав их еще более убедительными благодаря авторитету автора — ученого и очевидца. Став чрезвычайно популярным в разных странах, оно утверждало в общественном мнении представление о нецивилизованности огромной империи, не способной, в частности, адекватно воспринимать и сохранять археологическое наследие. Тем самым Кларк продолжал традицию, заложенную в середине XVIII в. сочинениями Франческо Локателли [Locatelli; Mosakowski, Ślęzak] и Шаппом д'Отрошем [Каррер д'Анкосс; Вощинская], подготавливая появление, пожалуй, самого знаменитого в этом роде трактата, изданного в 1843 г. Астольфом де Кюстином [Кюстин; Мильчина, Осповат]. Невозможно определить, насколько суждения Кларка повлияли на мировоззрение его читателей. Как уже говорилось, его книга определенно пользовалась успехом, о чем свидетельствуют многочисленные переиздания и переводы. Потому можно предположить, что на отношении к России, по крайней мере части своих современников, он повлиял. Более того, негативные оценки роли России в Крыму оказались столь же убедительными для нынешних североамериканских исследователей, использующих отрывки из Кларкова травелога как иллюстрацию для собственных рассуждений [например: Fisher, p. 95; Williams, p. 108; O'Neill, p. 176, note 3].

Рассматривая Россию как полную противоположность «цивилизации» (с которой он, конечно, отождествлял собственную культуру), Кларк не был оригинален. Европейские интеллектуалы Нового времени создали образ Востока как «анти-Запада», наделив его всеми возможными непривлекательными чертами, чтобы тем самым, в частности, описать собственное «я» [Саид]. Подобное использование «Другого» позволяло не только описывать собственную идентичность через противопоставление, но и служило интеллектуальным «орудием» для решения текущих политических вопросов [Нойманн]. В XVIII в. с помощью таких инструментов создается образ «Восточной Европы», лежавшей где-то между воображаемыми Востоком и Западом, и потому отставшей в развитии от последнего, но все же сохранявшей шанс на «правильную» эволюцию [Вульф]. Кларк пользуется обычным приемом европейского мышления, создавая воображаемого оппонента в лице России, — но одновременно он, похоже, отказывает ей в праве на саму возможность достичь «цивилизации», как бы вытесняя ее из Европы в Азию. Оригинальность его мышления в том, что он применил для этого новый инструмент — отношение к памятникам археологии.

Бертье-Делагард А. Л. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса // Материалы по археологии России. 1893. № 12. С. 1–64.

Вощинская Н. Два д'Отроша (J. Chappe d'Auteroche. Voyage en Siberie. Э. Каррер д'Анкосс. Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша)

[Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2005. № 5. URL: http://www.strana-oz.ru/2005/5/dva-dotrosha-j-chappe-dauteroche-voyage-en-siberie-e-karrer-dankoss-imperatrica-i-abbat-neizdannaya-literaturnaya-duel-ekateriny-ii-i-abbata-shappa-doterosha (дата обращения: 03.06.2016)

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М. : Новое лит. обозрение, 2003.

Гардзонио С. Образ Российской империи в итальянской поэзии конца XVIII — начала XIX в. // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов / ред. Б. Гаспаров, Е. Евтухов, М. фон Хаген. М. : ОГИ, 1997. С. 106–116.

Зорин А. [Л.] Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М. : Новое лит. обозрение, 2004.

Каррер д'Анкосс Э. Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша. М. : Олма-Пресс, 2005.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. СПб. : Крига, 2008.

Лемерль П. Первый византийский гуманизм. Замечания и заметки об образовании и культуре в Византии от начала до X века. СПб. : Свое изд-во, 2012.

Маркевич А. И. Судьбы памятников древности в Тавриде // Непомнящий А. А. Арсений Маркевич. Страницы истории крымского краеведения. Симферополь : Бизнес-Информ, 2005. С. 267–315.

Мерво К. Портреты Екатерины II в переписке Вольтера // Вольтер и Россия. М. : Наследие, 1999. С. 90–97.

Миллер А. И. Предисловие // Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М. : Новое лит. обозрение, 2003. С. 5–11.

Мильчина В. А., Осповат А. Л. Комментарий к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». СПб. : Крига, 2008.

Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М. : Новое изд-во, 2004.

Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М. : Прогресс-традиция, 2005.

Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Российского государства в 1793–1794 годах. М. : Наука, 1999.

Проскурина В. Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II. М. : Новое лит. обозрение, 2006.

Ростовцев М. И. Скифия и Боспор: критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л. : Рос. акад. истории материальной культуры, 1925.

Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. М. : Рус. Міръ, 2006.

Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII — начала XIX века. СПб. : Наука, 2004.

Сытин А. К. Ботаник Петр Симон Паллас. М. : Т-во науч. изданий КМК, 2014.

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб. : Наука, 2002.

Тункина И. В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей, 1771–1871. Киев : Болеро, 2011.

Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М. : ОГИ, 2002.

Храпунов Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII — начала XIX в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2011. Вып. 17. С. 595–630.

Храпунов Н. И. Бахчисарай Эдварда-Даньела Кларка: Восток, Россия и Крым // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4. С. 141–153.

Anderson M. S. Britain's Discovery of Russia, 1553–1815. London ; New York : Macmillan & Co, 1958.

Clarke E. D. Greek Marbles Brought from the Shores of the Euxine, Archipelago, and Mediterranean, and Deposited in the Vestibule of the Public Library of the University of Cambridge. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1809.

Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1 : Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 1. London : T. Cadell and W. Davies, 1816.

Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1 : Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London : T. Cadell and W. Davies, 1817.

Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. Pt. 2 : Greece, Egypt, and the Holy Land. Section 2. 4th ed. Vol. 6. London : T. Cadell and W. Davies, 1818.

Cross A. G. By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1997.

Eisner R. Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece. Ann Arbor : Univ. of Michigan Press, 1993.

Fisher A. W. The Crimean Tatars. Stanford : Hoover Institution Press, 1978.

Hamilakis Y. Decolonizing Greek archaeology: indigenous archaeologies, modernist archaeology, and the post-colonial critique // A Singular Antiquity: Archaeology and Hellenic Identity in Twentieth-Century Greece (Mouseio Benaki 3rd Supplement). Athens : Benaki Museum, 2008. P. 1–15.

Latyschev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. 1. 2nd ed. Petropoli : Тип. Имп. Акад. Наук, 1916.

[Locatelli Fr.] Lettres moscovites. Paris : Au depens de la Compagni, 1736 [1735].

Lower M. A. The Worthies of Sussex: Biographical Sketches of the Most Eminent Natives or Inhabitants of the County, from the Earliest Period to the Present Time. Lewes : Geo. P. Bacon : Steam Printing Offices, 1865.

Minns E. H. Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1913.

Mosakowski M., Ślęzak J. The Muscovian Letters of Francesco Locatelli (1735), or the illusory modernisation of Russia's legal and political system during the reign of Peter the Great and his successors // Romanica Cracoviensia. 2015. T. 15. No. 3. P. 216–223.

O'Neill K. Constructing Russian Identity in the Imperial Borderland: Architecture, Islam, and the Transformation of the Crimean Landscape // Ab Imperio. 2006. № 2. P. 163–192.

Otter W. The Life and Remains of Edward Daniel Clarke. New York : J. & J. Harper, 1827.

Paterson D. A New and Accurate Description of All the Direct and Principal Cross Roads in Great Britain. 3rd ed. London : T. Carnan, 1776.

Peyssonnel [Cl. Ch.] de. Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bordes de Danube & du Pont-Euxine. Paris : N. M. Tilliard, 1765.

The Georgian Era: Memoirs of the Most Eminent Persons, Who Have Flourished in Great Britain, from the Accession of George the First to the Demise of George the Fourth. Vol. 3. London : Vizetelly, Branston and Co., 1834.

Williams B. G. The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation. Leiden ; Boston ; Köln : Brill, 2001.

Статья поступила в редакцию 07.07.2016 г.

Храпунов Никита Игоревич
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательский центр истории
и археологии Крыма
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского
295007, Республика Крым, Симферополь,
Проспект академика Вернадского, 4
E-mail: khrapunovn@gmail.com

Khrapunov, Nikita Igorevich
PhD (History), Leading Research Fellow
History and Archaeology of the Crimea
Research Centre
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
4, Academician Vernadsky Ave., 295007,
Simferopol, Republic of the Crimea, Russia
E-mail: khrapunovn@gmail.com

CRIMEAN ANTIQUITIES THROUGH THE EYES OF EDWARD DANIEL CLARKE: FROM ARCHAEOLOGY TO IDEOLOGY

The article analyses a travelogue by British traveller Edward Daniel Clarke, which was one of the first encyclopaedic descriptions of the Crimean Peninsula, visited by the author in 1800. Clarke's book appeared to be extraordinarily popular with his contemporaries and modern researchers, though the issue of the author's descriptive strategy and its influence on the text's objectivity has never been addressed previously. Clarke's narrative combines elements of a travel journal, academic research, and a political pamphlet. The article reveals how Clarke transforms archaeological sites description into an "ideological weapon." The traveller used archaeology as a key argument to prove Russia was uncivilized and had to be banished from the Crimea. In his opinion, the Russians were inclined to destroy archaeological monuments from ancient and mediaeval periods without any pity or reason. In the eighteenth century, antiquity gradually came into fashion in Western Europe, and Greece became apprehended as the cradle of European civilization, therefore blaming the Russians for the destruction of ancient buildings and artefacts would be a clear statement of their barbarism. Clarke's approach was discriminatory, as the traveller interpreted the cases of antiquities destruction by the Ottomans, Tatars, or Brits in a different way. Although there really exists reliable evidence that old structures in the Crimea were damaged during the Russian period, Clarke was the first one who considered them in terms of ideology. His travelogue had a great influence on the scholarship that followed, since the new generations of authors were inclined to take it uncritically.

K e y w o r d s: travelogues from the 18th and 19th centuries; history of research; archaeology of the Crimea; Crimea; imaginary geography; Edward Daniel Clarke.

Acknowledgements
The research is supported by the *Russian Scientific Fund for the Humanities* as part of Research Project #15-01-00104 "Crimean Antiquities as Described by European Travellers of the Late 18th — Early 19th Centuries: An Historical and Archaeological Study".

Anderson, M. S. (1958). *Britain's Discovery of Russia, 1553–1815*. London; New York: Macmillan & Co.

Berthier-Delagarde, A. L. (1893). Drevnosti Iuzhnoi Rossii. Raskopki Khersonesa [Antiquities of South Russia: Excavations of Chersonesus]. *Materialy po arkheologii Rossii*, 12, 1–64. (In Russian)

Carrère d'Encausse, H. (2005). *Imperatritsa i abbat. Neizdannaia literaturnaia duel' Ekateriny II i abbata Shappa d'Oterosha* [The Empress and the Abbot: Unpublished Literary Duel of Catherine II and Abbot Chappe d'Auteroche]. Moscow: Olma-Press. (In Russian)

Clarke, E. D. (1809). *Greek Marbles Brought from the Shores of the Euxine, Archipelago, and Mediterranean, and Deposited in the Vestibule of the Public Library of the University of Cambridge*. Cambridge: Cambridge University Press.

Clarke, E. D. (1816). *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey* (4th ed. Vol. 1). London: T. Cadell and W. Davies.

Clarke, E. D. (1817). *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey* (4th ed. Vol. 2). London: T. Cadell and W. Davies.

Clarke, E. D. (1818). *Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. Pt. 2: Greece, Egypt, and the Holy Land. Section 2* (4th ed. Vol. 6). London: T. Cadell and W. Davies.

Cross, A. G. (1997). *By the Banks of the Neva: Chapters From the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.

Custine, A. de. (2008). *Rossiia v 1839 godu* [Russia in the Year of 1839]. Saint Petersburg: Kriga. (In Russian)

Eisner, R. (1993). *Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Fisher, A. W. (1978). *The Crimean Tatars*. Stanford: Hoover Institution Press.

Gardzonio, S. (1997). Obraz Rossiiskoi imperii v ital'ianskoi poezii kontsa XVIII — nachala XIX v. [The Image of the Russian Empire in Italian Poetry from the Late 18th to the Early 19th Centuries]. In C. Evtuhov, B. Gasparov, A. Ospovat, & M. Von Hagen (Eds.), *Kazan, Moscow, St. Petersburg: Multiple Faces of the Russian Empire* (pp. 106–116). Moscow: OGI. (In Russian)

Hamilakis, Y. (2008). Decolonizing Greek Archaeology: Indigenous Archaeologies, Modernist Archaeology, and the Post-colonial Critique. In D. Damaskos, & D. Plantzos (Eds.), *A Singular Antiquity: Archaeology and Hellenic Identity in Twentieth-Century Greece (Mouseio Benaki 3rd Supplement)* (pp. 1–15). Athens: Benaki Museum.

Khrapunov, N. I. (2011). Khersones v opisaniiakh evropeiskikh puteshestvennikov kontsa XVIII — nachala XIX v. [Chersonesus as Described by European Travellers of the Late 18th — Early 19th Centuries]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 17, 595–630. (In Russian)

Khrapunov, N. I. (2014). Bakhchisarai Edvarda-Dan'ela Klarka: Vostok, Rossiia i Krym [Edward Daniel Clarke's Bakhchysarai: The East, Russia, and the Crimea]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 4, 141–153. (In Russian)

Lemerle, P. (2012). *Pervyi vizantiiskii gumanizm. Zamechaniia i zametki ob obrazovanii i kul'ture v Vizantii ot nachala do X veka* [The First Byzantine Humanism. Observations and Notes on the Education and Culture in Byzantium as of the Start until the 10th Century]. Saint Petersburg: Svoe izdatel'stvo. (In Russian)

Locatelli, Fr. (1736). *Lettres moscovites*. Paris: Au depens de la Compagni.

Lower, M. A. (1865). *The Worthies of Sussex: Biographical Sketches of the Most Eminent Natives or Inhabitants of the County, from the Earliest Period to the Present Time*. Lewes: Geo. P. Bacon; Steam Printing Offices.

Markevich, A. I. (2005). Sud'by pamiatnikov drevnosti v Tavride [The Fates of Ancient Monuments in Taurida]. In A. A. Nepomnyashchy, *Arsenii Markevich. Stranitsy istorii krymskogo kraevedeniia* [Arseny Markevich: Pages in the History of Crimean Regional Studies] (pp. 267–315). Simferopol': Biznes-Inform. (In Russian)

Mervaud, Ch. (1999). Portrety Ekateriny II v perepiske Vol'tera [Catherine II's Portraits in Voltaire's Correspondence]. In A. D. Mikhailov, & A. F. Stroev (Eds.), *Vol'ter i Rossiia* [Voltaire and Russia] (pp. 90–97). Moscow: Nasledie. (In Russian)

Mil'china, V. A., & Ospovat, A. L. (2008). *Kommentarii k knige Astol'fa de Kiustina «Rossiia v 1839 godu»* [Commentaries to Astolphe de Custine's Book *La Russie en 1839*]. Saint Petersburg: Kriga. (In Russian)

Miller, A. I. (2003). Predislovie [Foreword]. In L. Wolff, *Izobretaia Vostochnuiu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniia* [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization in the Mind of the Epoch of Enlightenment] (pp. 5–11). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Minns, E. H. (1913). *Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mosakowski, M., & Ślęzak, J. (2015). The Muscovian Letters of Francesco Locatelli (1735), or the Illusory Modernisation of Russia's Legal and Political System during the Reign of Peter the Great and His Successors. *Romanica Cracoviensia*, 15/3, 216–223.

Neumann, I. B. (2004). *Ispol'zovanie «Drugogo»: obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskikh identichnostei* [The Use of the "Other". The East in European Identity Formation]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian)

O'Neill, K. (2006). Constructing Russian Identity in the Imperial Borderland: Architecture, Islam, and the Transformation of the Crimean Landscape. *Ab Imperio*, 2, 163–192.

Orlov, A. A. (2005). *Soiuz Peterburga i Londona. Rossiisko-britanskie otnosheniia v epokhu napoleonovskikh voin* [The Union of Petersburg and London: Russian-British Relations in the Age of Napoleonic Wars]. Moscow: Progress-traditsiia. (In Russian)

Otter, W. (1827). *The Life and Remains of Edward Daniel Clarke*. New York: J. & J. Harper.

Pallas, P. S. (1999). *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Rossiiskogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* [Travel Through the Southern Provinces of the Russian Empire, in the Years 1793 and 1794]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Paterson, D. (1776). *A New and Accurate Description of All the Direct and Principal Cross Roads in Great Britain* (3rd ed.). London: T. Carnan.

Peyssonnel, [Cl. Ch.] de (1765). *Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bordes de Danube & du Pont-Euxine* [Historical and Geographic Observations of the Barbarian Peoples That Lived by the Danube and the Black Sea]. Paris: N. M. Tilliard. (In French)

Proskurina, V. (2006). *Mify imperii: literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The Myths of the Empire: Literature and Power in the Age of Catherine II]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Rostovtzeff, M. I. (1925). *Skifiia i Bospor: kriticheskoe obozrenie pamiatnikov literaturnykh i arkheologicheskikh* [Scythia and Bosporus: A Critical Evaluation of Literary and Archaeological Monuments]. Leningrad: Rossiiskaia akademiia istorii material'noi kul'tury. (In Russian)

Said, E. W. (2006). *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism: Western Conceptions of the East]. Moscow: Russkii Mir. (In Russian)

Stennik, Iu. V. (2004). *Ideia «drevnei» i «novoi» Rossii v literature i obshchestvenno-istoricheskoi mysli XVIII — nachala XIX veka* [The Idea of "Ancient" and "Modern" Russia in Literature and Socio-Historical Thought in the 18th and Early 19th Centuries]. Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)

Sytin, A. K. (2014). *Botanik Petr Simon Pallas* [Botanist Peter Simon Pallas]. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdanii KMK. (In Russian)

The Georgian Era: Memoirs of the Most Eminent Persons, Who Have Flourished in Great Britain, from the Accession of George the First to the Demise of George the Fourth (Vol. III). (1834). London: Vizetelly, Branston and Co.

Tunkina, I. V. (2002). *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh Iuga Rossii (XVIII — seredina XIX v.)* [Russian Science on Classical Antiquities in Southern Russia (18th — Mid-19th Centuries)]. Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)

Tunkina, I. V. (2011). *Otkrytie Feodosii. Stranitsy arkheologicheskogo izucheniia Iugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye etapy istorii Feodosiiskogo muzeia drevnostei, 1771–1871* [The Discovery of Theodosia: Pages of Archaeological Research of the South-Eastern Crimea and the Early Stages of the History of the Theodosia Museum of Antiquities, 1771–1871]. Kiev: Bolero. (In Russian)

Voshchinskaia, N. (2005). Dva d'Otrosha (J. Chappe d'Auteroche. Voyage en Siberie. H. Carrère d'Encausse. Imperatritsa i abbat. Neizdannaia literaturnaia duel' Ekateriny II i abbata Shappa d'Oterosha) [Two d'Auteroches (J. Chappe d'Auteroche. Voyage in Siberia. H. Carrère d'Encausse. The Empress and the Abbot: Unpublished Literary Duel of Catherine II and Abbot Chappe d'Auteroche)]. *Otechestvennye zapiski*, 5. Retrieved from http://www.strana-oz.ru/2005/5/dva-dotrosha-j-chappe-dauteroche-voyage-en-siberie-e-karrer-dankoss-imperatrica-i-abbat-neizdannaya-literaturnaya-duel-ekateriny-ii-i-abbata-shappa-doterosha. (In Russian)

Williams, B. G. (2001). *The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation*. Leiden; Boston; Köln: Brill.

Wolff, L. (2003). *Izobretaia Vostochnuiu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniia* [Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Wortman, R. S. (2002). *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii* [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy: From Peter the Great to the Death of Nicholas I] (Vol. 1). Moscow: OGI. (In Russian)

Zorin, A. [L.] (2004). *Kormia dvuglavogo orla... Russkaia literatura i gosudarstvennaia ideologiia v poslednei treti XVIII — pervoi treti XIX veka* [Feeding the Double-Headed Eagle: Russian Literature and State Ideology in the Last Third of the 18th — First Third of the 19th Centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Received 7 July 2016